

УДК 34.01

Ж.-Ж. РУССО И Г. БАБЕФА: ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРАВА НА СОПРОТИВЛЕНИЕ

© 2018 г.

А.В. Приходько, Е.В. Калинина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

r-tempri@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2018

Проводится сравнительный анализ подходов Ж.-Ж. Руссо и Г. Бабефа к решению проблемы права на сопротивление. Представлена специфика обоснования Ж.-Ж. Руссо необходимости данного института через теорию общественного договора и концепцию народного суверенитета, а также расширительное толкование искомой категории, предложенное Г. Бабефом.

Ключевые слова: право на сопротивление, народный суверенитет, общественный договор, Просвещение.

Восемнадцатый век, век Просвещения, Американской войны за независимость и Великой французской революции, подарил западной политико-правовой мысли много нового, существенно обогатив ее. И.И. Бочков, исследователь творческого наследия Жан-Жака Руссо, справедливо отмечает, что «привычные для современной теории государства и права институты – референдум, законодательная инициатива граждан, общественный контроль над государственными органами – вовсе не были нормой в XVIII веке, поэтому сама разработка Ж.-Ж. Руссо и другими мыслителями их модели, даже с учётом того, что их не воплотили в жизнь, была революционной» [1, с. 96]. Одной из таких важнейших политико-правовых идей того времени была идея о праве народа на сопротивление угнетению и тирании, занимавшая в концептуальном арсенале европейского и американского Просвещения одно из центральных мест. Своё практическое применение данная идея нашла прежде всего в борьбе американских колоний за независимость и в годы Великой французской революции.

Как известно, право на сопротивление угнетению – это особое политическое право, заключающееся в праве народа любыми способами и средствами (включая вооруженную борьбу, свержение правительства и т.п.) отстаивать и защищать свои права и свободы от узурпаторов и политического произвола. Сложно переоценить значение данного права в эпоху раннего Нового времени, когда многие демократические механизмы контроля над властью ещё не были выработаны, а угроза неправомερных действий и чрезмерного увеличения объема власти монарха была вполне реальна. Неслучайно в современном зарубежном историческом словаре, посвященном эпохе Просвещения, автор статьи

«Политика» отмечает, что «главной для просвещённой политической мысли стала проблема деспотизма и того, как следует реагировать на угрозу его возникновения» [2, с. 130]. Подробная разработка идеи, обосновывающей защиту подданных от возможного притеснения, была важным шагом, свидетельствующим о глубоком сдвиге в политико-правовых воззрениях того времени.

Французские ученые XVIII века отнюдь не являются «первооткрывателями» идеи права на сопротивление. Ее истоки прослеживаются в Античности (в трудах Аристотеля, Цицерона и др.) и в эпоху Средних веков (в трудах Иоанна Солсберийского, Фомы Аквинского). В дальнейшем данная идея развивалась в работах мыслителей XVI–XVII вв. (монархомахов, кальвинистов, гугенотов и оппозиционных публицистов эпохи Фронды), публицистов и политических философов Английской революции (Дж. Гаррингтона, Дж. Мильтона, Г. Паркера, С. Розерфорда) и английских просветителей XVII–XVIII вв. (Дж. Локка, Г. Болингброка, Д. Юма, Р. Стиля, Дж. Свифта, Д. Дефо и др.) [3; 4, с. 72–86, 260–265]. В кругах французского Просвещения вопрос о праве на сопротивление также вызвал живейший интерес и широкий отклик [5], что ключевым образом повлияло на политико-правовую мысль Великой французской революции.

Выбор концепций Ж.-Ж. Руссо и Г. Бабефа в качестве объекта сравнительного анализа не случаен. Это обусловлено очевидным, по мнению исследователей наследия Г. Бабефа, влиянием, оказанным Ж.-Ж. Руссо на мировоззрение знаменитого революционера, лидера Заговора «равных» и автора коммунистической утопии. В связи с этим представляется любопытным выяснить, насколько существенно понимание права на сопротивление во французской поли-

тико-правовой мысли XVIII в. изменилось во время Великой французской революции в лице одного из её известных деятелей – Г. Бабефа в сравнении с подходом идейного вдохновителя последнего – Ж.-Ж. Руссо, представителя эпохи Просвещения.

Стоит отметить, что ранее данная тема не освещалась в историографии. Взгляды двух указанных мыслителей на право на сопротивление лишь вскользь и без какого-либо сравнения упоминались в исследованиях, посвящённых их учениям в целом.

Как известно, Жан-Жак Руссо еще на раннем этапе своего творческого пути обратился к изучению вопросов организации политико-правовой жизни государства и общества. Первое суждение мыслителя об идее права на сопротивление мы встречаем уже в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755 г.). Так, во второй части работы Ж.-Ж. Руссо пишет, что «деспот остается повелителем лишь до тех пор, пока он сильнее всех; но как только люди оказываются в силах его изгнать, у него нет оснований жаловаться на насилие. Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какого-нибудь султана, это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает». Поэтому для Ж.-Ж. Руссо полностью оправдано свержение деспота, и последний не имеет права предъявлять претензии по этому поводу, ведь его поступки обусловили подобный исход [6, с. 96]. Важно отметить, что в приведённом отрывке Ж.-Ж. Руссо говорит о законности убийства и свержения с престола не абстрактного монарха, а именно *султана*. Тем самым он, как и многие другие французские просветители, отождествлял деспотию с Востоком.

Обоснование Ж.-Ж. Руссо права на сопротивление неразрывно связано с его главными политическими идеями – с учением об общественном договоре, суверенитете и «общей воле». Глава первая первой книги «Общественного договора» (1762 г.) открывается знаменитой фразой: «Человек рожден свободным, но повсюду он находится в оковах». Как Ж.-Ж. Руссо оценивает такое состояние человека? «Если бы я, – пишет он, – учитывал только силу и результат, вытекающий из её применения, я сказал бы так: «Пока народ вынужден повиноваться, он повинует и поступает правильно; как только он в состоянии сбросить ярмо, он поступает еще лучше: ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по которому у него её похитили, или у

него есть основания вновь ею завладеть, или вообще никто не имел никакого права лишать его этой свободы» [7, с. 117]. Ж.-Ж. Руссо, тем самым, недвусмысленно выражает свою позицию. Однако это заявление следует оценивать в свете его полемики со сторонниками личного и политического рабства. Этой полемикой и открывается трактат.

Для Ж.-Ж. Руссо свобода обладала огромной ценностью, ведь она, по его мнению, «вытекает из природы человека». Поэтому его свободолобивой натуре было противно рабство. Полемику с воззрениями Аристотеля, он считал рабское состояние человека противоестественным. Человек не может передать себя в собственность безвозмездно кому бы то ни было, так как такая сделка была бы незаконна и ничтожна. «Отказаться от свободы означает отказаться от своего достоинства человека, от человеческих прав и обязанностей. ... Подобный отказ несовместим с природой человека, и лишить человека свободы воли означает лишить моральности его поступки». Поэтому, заключает Ж.-Ж. Руссо, «противоречивым и бесполезным является приглашение, в котором оговаривается в виде условия, с одной стороны, безграничная власть, а с другой – безграничное повиновение». Такая сделка неравноценна по своей природе, так как господин получает право требовать всё, что угодно, а раб не получает ничего. Не приобретает право на рабов и в результате войны, считал Ж.-Ж. Руссо, полемику с Гуго Гроцием. Всегда и в любом случае понятия «рабство» и «право» «противоречат друг другу и являются взаимоисключающими» [7, с. 118–125].

Очевидно, что уже из этого безоговорочного осуждения рабства могли вытекать далеко идущие выводы. Конечно, среди представителей французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо был далеко не единственным противником рабства. До него идею порабощения осудил, к примеру, Ш.-Л. Монтескье. Но, пожалуй, только в «Общественном договоре» неприятие индивидуального рабства становилось столь убедительным аргументом против рабства «государственного» – политической несвободы. Ж.-Ж. Руссо полемизировал с Г. Гроцием и Т. Гоббсом, считавшими, что человеческий род должен являться послушным «стадом скота» для своего «вожака» [7, с. 118]. Споря с ними, он не признавал слепую покорность народа своему правителю правильной и естественной. Любая власть должна быть установлена только для пользы тех, кем управляют, а целый народ, как и один человек, не может отказаться от своей свободы. Отдельно живущие люди, порабощённые одним человеком, вовсе не являются народом и прави-

телем, а лишь рабами и хозяином. Это можно назвать сочленением людей, но не их объединением – «в этом всё нет места ни для общественного блага, ни для политического организма» [7, с. 118–119, 125].

Ж.-Ж. Руссо категорически осуждал чувство пассивности, прививаемое народу деспотом. «Мне возразят, – пишет он, – что деспот обеспечивает своим подданным гражданский мир». Однако этот мир иллюзорный: войны, в которые он вовлекает людей, его алчность и его министры доставляют народу «больше неприятностей, чем междоусобные распри». Что же выиграют при деспоте подданные, «если само их спокойствие – невзгоды? Спокойно можно жить и в застенках, но разве этого достаточно, чтобы жить хорошо?» – риторически вопрошал Ж.-Ж. Руссо. «Греки, оказавшиеся в пещере циклопа, жили там спокойно, ожидая своей очереди быть съеденными» [7, с. 121]. Тем самым, по мнению Ж.-Ж. Руссо, мир, который предлагает деспот своим подданным, – это мир рабской покорности, при котором деспот делает с безропотным народом все, что ему угодно.

Считал ли Ж.-Ж. Руссо, что люди имеют право на противодействие такому угнетательскому правлению? Судя по всему, да. Так, в «Общественном договоре» мы встречаем следующее аллегорическое рассуждение: «Всякая власть от Бога. Согласен, но ведь и всякая болезнь от него же. Значит ли это, что во всяком случае возбраняется вызывать врача? Пусть какой-нибудь разбойник поймает меня в тёмном лесу: не только уступая силе, следует отдать кошелек, но, если я смогу его спрятать, то, по совести, обязан ли я его отдавать? Ибо, в конце концов, пистолет, который бандит держит в руках, – это тоже проявление могущества». От этой аллегории Ж.-Ж. Руссо переходил к выводу о том, что «сила не производит права и что мы обязаны повиноваться лишь законной власти». Только «соглашения лежат в основе всякой законной власти среди людей» [7, с. 120–121].

Рассмотрим теорию общественного договора, столь подробно описанную Ж.-Ж. Руссо. В своей историко-социологической концепции мыслитель исходил из того, что в естественном состоянии человек обладал природной свободой и безграничным правом на «всё, что его прельщает и что он может легко получить». Пределом его свободы были лишь его физические силы и индивидуальные способности [7, с. 131]. Со временем люди для своего самосохранения, защиты своей личности и имущества решают объединиться в общество, заключая общественный договор. При этом они утрачивают «часть естественных прав ради гарантиро-

ванного минимума, который обеспечивается правами общественными. Это означает, – пишет Т.Б. Длугач, – известное ограничение свободы и самостоятельности, но, так как дело касается всех членов договора, никто не остаётся в убытке» [8, с. 285].

С переходом к государству появляются должностные лица и политические институты. Суверенный народ можетверить правление (исполнительную власть) или одному лицу – магистрату (монархия), или небольшому числу людей (аристократия), или «всему народу или наибольшей его части» (демократия) [7, с. 171]. В государственном состоянии все люди между собой равны, так как обладают одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности. Важно подчеркнуть, что общественный договор заключается в интересах *каждого* его члена. В связи с этим, если возникает ситуация, при которой правительство притесняет народ или нарушает его права, народ вправе и даже должен расторгнуть (аннулировать) общественный договор, поскольку его принципы искажаются [8, с. 285].

В то же время важно отметить, что Ж.-Ж. Руссо рассматривал такое действие лишь в качестве крайней меры. Для него, как отмечает Т.Б. Длугач, «революция не цель и даже не средство, а скорее своеобразное отступление от правил общественного договора, коль скоро они уже нарушены. Само по себе насильственное ниспровержение правительства – обоюдоострое оружие, прибегать к которому допустимо, и то с большим риском, только в течение очень короткого времени и лишь в том случае, если государство становится деспотическим. Ибо с этой минуты не может быть больше речи ни о нравственности, ни о добродетели» [8, с. 283]. Таким образом, Ж.-Ж. Руссо нельзя считать проповедником революции, хотя его политические идеи и приобрели ошеломительную популярность в ходе революционных событий.

Французская политико-правовая мысль XVIII в., обогащенная Просвещением, получила свое дальнейшее и одновременно новое развитие в эпоху революции. В политико-правовых идеях Просвещения французские революционеры нашли идейную опору как для своих собственных концепций, так и для своей практической деятельности (в том числе и для создания основополагающих документов того времени).

Уже на первом этапе революции право на сопротивление было отражено в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В документе указывалось, что целью каждого политического союза является «обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы

свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» (ст. 2) [9, с. 112]. Однако данное декларативное положение всё же нельзя считать превращением *идеи права* на сопротивление в *право* на сопротивление. Во-первых, данная статья не содержала подтверждений правомерности народных выступлений против угнетения или тирании, но лишь объявляла защиту от угнетения целью каждого политического союза (государства). Во-вторых, не стоит забывать и о форме провозгласившего ее документа: декларации, провозглашая основные принципы, имеют, как известно, лишь рекомендательный характер. Кроме того, очевидно, что формулировка цитированной статьи была довольно двусмысленной и неполной. Возникает вопрос – что понимать под «угнетением»? Кто и как его осуществляет? Допустимо ли для народа, в исключительных случаях, самостоятельно отстаивать свои права? В дальнейшем Декларация естественных, гражданских и политических прав человека 1793 г. (проект жирондистов), а также Декларация прав человека и гражданина 1793 г. (проект якобинцев) затронут эти вопросы, расширив положения, касающиеся сопротивления угнетению, однако в Декларации 1789 г. никаких дополнений и разъяснений не было. Именно эта недосказанность и повлияла на то, что революционеры придавали праву на сопротивление угнетению различный, порой довольно неожиданный смысл.

Какую роль во время Французской революции играло рассматриваемое нами право на сопротивление? На наш взгляд, оно помогало революционерам идеологически обосновывать борьбу против монархии, в которой они постепенно разочаровывались. Так, к примеру, такие якобинцы, как М. Робеспьер и Л.А. Сен-Жюст, во время процесса над Людовиком XVI обосновывали правомерность казни последнего именно посредством ссылки на право на сопротивление угнетению.

Однако во время революции право на сопротивление угнетению не только становилось более радикальным в отношении французской монархии, но и теряло свою исключительную направленность против неё. Среди революционеров крайне левого толка развивалась мысль о том, что народ может оказаться угнетенным не только монархом, но и другими должностными лицами и органами власти: к примеру, Национальным собранием. Поэтому если французские просветители заостряли свое внимание лишь на сопротивлении порочной монархической власти (тирании и деспотии), то для некоторых революционеров такая трактовка становилось уже недостаточной. Поскольку любой носитель вла-

сти может оказаться угнетателем народа-суверена, считали они, поэтому долг последнего состоит в том, чтобы этому угнетению противиться. Одним из таких революционеров левого крыла, расширительно трактующих право на сопротивление угнетению, был Г. Бабеф.

Г. Бабеф, главными идейными вдохновителями которого стали Ж.-Ж. Руссо и Г.-Б. де Мабли [10; 11, с. 62], полностью поддерживал право на сопротивление, способствующее, с его точки зрения, наиболее полному обеспечению народного суверенитета. «Восстание есть самый священный долг», – писал он в своих незаконченных заметках о побоище на Марсовом поле (17 июля 1791 г.) [12, с. 476], поддерживая упомянутую республиканскую демонстрацию, расстрелянную Лафайетом. Для Г. Бабефа право сопротивляться угнетению, провозглашенное Декларацией прав человека и гражданина 1789 г., являлось средством борьбы (причем не обязательно вооруженной, но иногда и «печатной», «литературной») против всего «неконституционного» и не соответствующего, в его понимании, интересам народа. Декларация прав, несмотря на свой декларативный характер, была для него настоящим орудием практических действий [13, с. 189–190, 199–200], а провозглашенное в ней право на сопротивление угнетению – важнейшим ее элементом, который он зачастую трактовал весьма расширительно и радикально. Г. Бабеф использовал Декларацию прав и это важнейшее ее право для многих предприятий в своей революционной деятельности: в борьбе против косвенных налогов, против остатков феодализма, для обоснования неповиновения «неконституционным» властям, для призыва к их свержению (в период подготовки Заговора «равных») и во многих других случаях.

Г. Бабеф положительно относился к народному восстанию, считая его правомерным проявлением воли народа-суверена. Никто из властей не должен, по его мнению, это право ограничивать. Ведь если народ чем-то недоволен, то, значит, что-то сделано или идет не так, и поэтому он имеет полное право возмутиться и восстать против этого. Практически с первых шагов революции Г. Бабеф возражал против многих решений Национального собрания, считая их противоречащими воле и интересам народа-суверена. По мнению Г. Бабефа, последний не должен безропотно подчиняться им, так как он обладает правом неподчинения неконституционным декретам, т.е. таким, «которые не признаны выгодными для большинства».

В речи, произнесенной на заседании муниципалитета Руа 7 марта 1790 г., Г. Бабеф заявил, что «если бы все Национальное собрание было

угнетательским, надлежало бы оказать сопротивление и ему (это одно из прав человека). Если только часть этого собрания угнетательская, надо ей тоже оказывать сопротивление. Неконституционные декреты, т.е. те, которые не признаны выгодными для большинства, являются делом антипатриотических депутатов, которым, в определенный момент, удастся достигнуть преобладания. Полагаю, что позволительно жаловаться на это и даже заявлять, что народ, коему одному принадлежит право вето, может не подчиняться таким декретам. Если бы, как хотят внушить, не было дозволено говорить все это, ибо это значит задевать Национальное собрание, то пришлось бы признать, что свобода слова (другое право человека) не признана законом; пришлось бы признать, что власть учреждающая не выше власти учрежденной; пришлось бы признать, что часть больше целого. Власть учрежденная могла бы заковать в цепи власть учредительную, и последняя не могла бы на это жаловаться» [12, с. 54].

Сам Г. Бабеф, еще с начала 1790 г. по начало 1791 г., на практике доказывал приверженность своей теории, выступая в Пикардии во главе движения против уплаты косвенных налогов [11, с. 207–268, 365–467], которые Учредительное собрание (по настоянию Неккера, финансового ведомства и генеральных откупщиков) пыталось сохранить. Г. Бабеф с большой энергией и настойчивостью (прежде всего у себя в Руа) противился возобновлению этих «поборов». В июле 1792 г., в период аграрного движения, Г. Бабеф уже открыто называл Учредительное собрание «сплошной ложью», ввиду неполного упразднения им феодализма [12, с. 320].

Итак, в чем же была новизна воззрений Г. Бабефа на право на сопротивление по сравнению с Ж.-Ж. Руссо и всем французским Просвещением в целом? Самое главное отличие заключается в том, что Г. Бабеф расширил понятие объекта, против которого может быть направлено сопротивление народа. Как было выяснено, Ж.-Ж. Руссо, исходя из своей концепции народного суверенитета, допускал сопротивление и свержение угнетательской власти, однако, говоря о сопротивлении подобной власти, он, как и другие французские просветители, подразумевал, по-видимому, лишь такую власть, которую в современной науке государства и права называют «исполнительной». По крайней мере, в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Общественном договоре» проигнорирован вопрос относительно допустимости сопротивления и смещения порочной законодательной власти. Этот пробел, пожалуй, можно объяс-

нить тем, что Ж.-Ж. Руссо, отождествляя законодательную власть со всем народом-сувереном, считал, что народ не может передать свое право законодательствовать, поскольку суверенитет неотчуждаем. Иначе говоря, он был категорически против того, чтобы народ передавал своим представителям законодательную власть [7, с. 198–199]. В связи с этим вопрос о допустимости сопротивления и смещения порочной законодательной власти для Ж.-Ж. Руссо исчезал вовсе.

Впрочем, Ж.-Ж. Руссо был не единственным французским просветителем, проигнорировавшим вопрос относительно допустимости сопротивления и смещения порочной законодательной власти. Так, ничего не говорили по этому вопросу и Ш.-Л. Монтескье с энциклопедистами.

Поэтому в данном вопросе некоторые английские просветители (в особенности представители партии вигов), воспитанные на опыте Английской революции, пошли дальше своих французских единомышленников. Так, к примеру, Дж. Локк считал правомерным смещение законодательной власти народом [14, с. 349]. Помимо Дж. Локка, Джозеф Пристли также считал законным свержение Палаты общин в том случае, если она соединится с королем-тираном для уничтожения существующего конституционного порядка страны. Впрочем, не все английские просветители разделяли точку зрения о том, что допустимо сопротивление и смещение угнетательской законодательной власти [4, с. 79, 263]. Как бы то ни было, французские философы упоминали о допустимости сопротивления лишь единоличному тирану или деспоту, вовсе игнорируя указанный вопрос. Судя по всему, причина этого пробела французской просветительской мысли была вызвана отсутствием постоянно действующего законодательного органа власти во Франции.

Возвращаясь же к Г. Бабефу, стоит отметить, что в своих политико-правовых воззрениях он пошел значительно дальше, чем французские просветители, в трактовке права на сопротивление, существенно расширив его содержание. Таким образом, даже несмотря на то, что о данном вопросе умалчивал его главный идейный вдохновитель – Ж.-Ж. Руссо, Г. Бабеф считал правомерным для народа оказывать сопротивление не только исполнительной власти – монарху, но и законодательной власти – Национальному собранию, если оно становится угнетательским. Это доказывает то, что Г. Бабеф не просто копировал воззрения Ж.-Ж. Руссо, но и осуществил свой собственный вклад в идею права на сопротивление и концепцию народного суверенитета. Как видно из цитаты, приве-

денной выше, Г. Бабеф, в отличие от автора «Общественного договора», различал власть учреждающую – народ-суверен и власть учрежденную – Национальное собрание. По мнению революционера, высший законодательный орган всегда должен действовать сугубо в интересах народа, однако если Национальное собрание поступает наоборот, то сопротивление ему полностью правомерно.

Итак, рассуждения французских просветителей о праве на сопротивление не были бесплодными – уже на первом этапе Французской революции данное право было отражено в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Главное значение права на сопротивление в тот период состояло в том, что оно позволяло революционерам теоретически обосновывать борьбу против монархии, требовать в 1792 году низложения и казни Людовика XVI. Между тем уже в это время право на сопротивление получило новую расширительную трактовку, незнакомую французской политико-правовой мысли XVIII в. Так, Г. Бабеф считал, что сопротивляться правомерно не только единоличному тирану или деспоту, но и любому другому «скомпрометировавшему» себя своими действиями органу власти (например, Национальному собранию), даже если он был избран законным путем. Для французской политико-правовой мысли XVIII в. это было несомненным шагом вперед в развитии идеи права на сопротивление.

Список литературы

1. Бочков И.И. Основания политического организма в учении Ж.-Ж. Руссо // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И.А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. С. 96–115.

2. Вальдес Х.М.П. Политика // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша / Пер. с итал. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 128–141.

3. Комиссаров И.В. Право народа на сопротивление в западной правовой мысли с древнейших времён до XIX в.: историко-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 18–25.

4. Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 304 с.

5. Приходько А.В., Шляхов М.Ю. Формирование идеи права на сопротивление угнетению и тирании во французском Просвещении // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12 (6). С. 989–993.

6. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Пер. с фр. М.: Наука, 1969. 703 с.

7. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И.А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. 640 с.

8. Длугач Т.Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2008. 336 с.

9. Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. А.В. Адо. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 528 с.

10. Далин В.М. Руссо в оценке Бабефа // Век Просвещения. М. – Париж, 1970. С. 279–288.

11. Далин В.М. Грах Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 616 с.

12. Бабеф Г. Сочинения. Т. 2. М.: Наука, 1976. 528 с.

13. Боск Я. «Арсенал для подстрекателей» (Декларация прав человека как программа практических действий) // Исторические этюды о французской революции. Памяти В.М. Далина. М., 1998. С. 189–200.

14. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в трёх томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–405.

J.-J. ROUSSEAU AND G. BABEUF: APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF THE RIGHT FOR RESISTANCE

A.V. Prikhodko, E.V. Kalinina

In this article, we present the results of a comparative analysis of J.-J. Rousseau's and G. Babeuf's approaches to the issue of the right for resistance. Some specific features of J.-J. Rousseau's rationale for indispensability of this institution through the Social Contract theory and the concept of sovereignty of the people's rule are highlighted and G. Babeuf's extended interpretation of this category is presented.

Keywords: right for resistance, popular sovereignty, social contract, Enlightenment.

References

1. Bochkov I.I. Osnovaniya politicheskogo organizma v uchenii Zh.-Zh. Russo // Russo Zh.-Zh. Politicheskie sochineniya / Izd. podgot. B. Bernardi, S.V. Zanin; Отв. ред. И.А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. С. 96–115.

2. Val'des H.M.P. Politika // Mir Prosveshcheniya. Istoricheskij slovar' / Pod red. Vinchenco Ferrone i Danielya Rosha / Per. s ital. N.Yu. Plavinskoj pod red. S.Ya. Karpa. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2003. S. 128–141.

3. Komissarov I.V. Pravo naroda na soprotivlenie v zapadnoj pravovoj mysli s drevnejshih vremyon do

XIX v.: istoriko-pravovoj analiz // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 5. S. 18–25.

4. Labutina T.L., Il'in D.V. Anglijskoe Prosveshchenie: obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl'. SPb.: Aletejya, 2012. 304 s.

5. Prihod'ko A.V., Shlyahov M.Yu. Formirovanie idei prava na soprotivlenie ugneteniyu i tiranii vo francuzskom Prosveshchenii // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2016. № 12 (6). S. 989–993.

6. Russo Zh.-Zh. Traktaty. Per. s fr. M.: Nauka, 1969. 703 s.

7. Russo Zh.-Zh. Politicheskie sochineniya / Izd. podgot. B. Bernardi, S.V. Zanin; Otv. red. I.A. Isaev. SPb.: Rostok, 2013. 640 s.

8. Dlugach T.B. Podvig zdravogo smysla, ili Rozhdenie idei suverennoj lichnosti (Gol'bah, Gel'vecij, Russo). M.: «Kanon» ROOI «Reabilitaciya», 2008. 336 s.

9. Dokumenty istorii Velikoj francuzskoj revolyucii. V 2 t. T. 1 / Otv. red. A.V. Ado. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1990. 528 s.

10. Dalin V.M. Russo v ocenke Babefa // Vek Prosveshcheniya. M. – Parizh, 1970. S. 279–288.

11. Dalin V.M. Grakkh Babef nakanune i vo vremya Velikoj francuzskoj revolyucii (1785–1794). M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 616 s.

12. Babef G. Sochineniya. T. 2. M.: Nauka, 1976. 528 s.

13. Bosk Ya. «Arsenal dlya podstrekatelej» (Deklaraciya prav cheloveka kak programma prakticheskikh dejstvij) // Istoricheskie ehtyudy o francuzskoj revolyucii. Pamyati V.M. Dalina. M., 1998. S. 189–200.

14. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Lokk Dzh. Sochineniya v tryoh tomah. T. 3. M.: Mysl', 1988. S. 135–405.